

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ МУРАВЕЙНИКѢ.

(Встрѣчи и знакомства.)

I.

Горе тому отцу, который не высѣчетъ пребольно своего сына за первое стихотвореніе, а особливо за первую повѣсть.

В. Г. Вѣлиинскій.

ВЪ ТОЙ самой порѣ, какъ я написалъ свою «первую повѣсть», за которую, по рецепту Вѣлинскаго, мой отецъ долженъ былъ пребольно высѣчь меня розгами, прошло уже болѣе четверти вѣка, и я отнюдь не раскаиваюсь въ этой «пробѣ пера», такъ какъ именно благодаря ей я вошелъ въ литературную среду и получилъ возможность такъ или иначе познакомиться съ цѣлой «портретной галереей» интересныхъ литературныхъ дѣятелей. О нѣкоторыхъ своихъ встрѣчахъ и знакомствахъ я и хочу здѣсь разсказать.

Будучи гимназистомъ одного изъ послѣднихъ классовъ, я сочинилъ разсказъ подъ названіемъ «Странный случай», гдѣ описывалось совершенно невѣроятное происшествіе, ничего общаго съ дѣйствительною жизнью не имѣющее: неправдоподобный «случай», послужившій темою для разсказа, какъ и всѣ герои послѣдняго, были взяты мною изъ собственной головы. Само собой разумѣется, что разсказъ вышелъ крайне блѣднымъ и вымученнымъ. Тѣмъ не менѣе, подобно большинству начинающихъ авторовъ, я возлагалъ на него

большія надежды и въ душѣ уже готовъ былъ считать себя великимъ писателемъ, равнымъ, по крайней мѣрѣ, Гоголю. Напечатать свое первое литературное произведеніе я мечталъ, конечно, въ одномъ изъ лучшихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, почти не допуская мысли, что мнѣ могутъ отказать. Въ то время только что началъ издаваться въ Москвѣ журналъ «Русская Мысль» подъ редакціей С. А. Юрьева, явившійся на смѣну недавно похороненной «Бесѣды» И. А. Кошелева. Вотъ сюда-то я и рѣшилъ пристроить свое дѣтище.

Въ одно сѣренькое октябрьское утро отыскиваю я гдѣ-то на Долгоруковской редакцію «Русской Мысли». Вхожу. Сторожъ заявляетъ мнѣ, что редактора еще нѣтъ, но «они скоро будутъ». Соглашаюсь ждать и поспѣшно снимаю свое гимназическое пальто, подъ которымъ у меня оказывается штатское платье, нарочно для этого случая купленное и надѣтое, дабы никто не могъ подумать, что я,—Боже сохрани!—гимназистъ. А то вѣдь, пожалуй, и читать не станутъ моего разсказа!

Ждать пришлось довольно долго, что-то около часу. Въ маленькой приѣмной, кромѣ меня, сидѣла еще одна пожилая дама съ толстымъ сверткомъ въ рукахъ и по временамъ громко вздыхала. «Должно быть, рукопись большого романа!» думалъ я, съ завистью поглядывая на толстый свертокъ. Потомъ появился какой-то господинъ съ большой сѣдой бородой и въ очкахъ. Видъ у него былъ довольно свирѣпый. Онъ все прохаживался по комнатѣ и, изрѣдка останавливаясь въ углу, громко и сердито, какъ мнѣ показалось, плевалъ. Вдругъ онъ подсѣлъ ко мнѣ и неожиданно вступилъ со мною въ разговоръ. И я почувствовалъ, какъ незнакомецъ съ первыхъ же словъ расположилъ меня въ свою пользу.

Ни слѣда свирѣпости я уже не замѣчалъ на его лицѣ. Напротивъ, оно было такое доброе, привѣтливое, и въ голосѣ его звучали чрезвычайнаго ласковыя нотки. Замѣтивъ, что я конфузливо прячу подъ полый пиджака рукопись, свернутую трубочкой, онъ съ мягкой улыбкой спросилъ меня, не начинающій ли я литераторъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ:

— Смотрю я на васъ, молодой человѣкъ, и самого себя вспоминаю... Вотъ и я такой же былъ робкій, застѣнчивый... Бывало, придешь въ редакцію, а у самого поджилки трясутся...

— Вы тоже писатель?—спросилъ я своего собесѣдника съ такимъ наивнымъ удивленіемъ, что по всему лицу его расплзлась широкая улыбка.

— Немножко есть...—отвѣчалъ онъ, не переставая улыбаться... Мордовцевъ... Можетъ быть, слыхали?

Имя Мордовцева, пользовавшееся тогда большою популярностью, мнѣ было очень хорошо извѣстно. Я уже прочиталъ нѣсколько его историческихъ романовъ, какъ-то: «Великій расколъ», «Идеалисты и реалисты», «Царь и гетманъ»,—все это было еще совсѣмъ свѣжо

Мордовцевъ громко разсмѣялся.

— Казалось бы, трудно смѣшать юношу со старикомъ, — замѣтилъ онъ шутливо: — но для Сергѣя Андреевича все возможно...

— Да, да, голубчикъ, разсѣянность — мать всѣхъ пороковъ, — отшучивался С. А., и, смѣясь, оба они скрылись за дверью редакторскаго кабинета.

Юрьевъ дѣйствительно отличался анекдотическою разсѣянностью, по поводу которой въ Москвѣ ходили самые невѣроятные слухи. Увѣряли, напримѣръ, что онъ самъ себя написалъ и послалъ по почтѣ письмо, перепутавъ имя, фамилію и адресъ кого-то изъ своихъ пріятелей, что однажды на Новый годъ онъ подѣхалъ къ своей квартирѣ, позвонилъ, и, узнавъ, что барыни нѣтъ дома, передалъ горничной свою визитную карточку, что на одномъ парадномъ обѣдѣ, почувствовавъ въ ногѣ зудъ, началъ усиленно чесать колѣно своей сосѣдки, совершенно незнакомой ему дамы, и т. д. Мнѣ рассказывалъ очевидецъ, московскій профессоръ Т., какъ въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ онъ былъ вмѣстѣ съ Юрьевымъ гдѣ-то въ гостяхъ и какъ послѣдній, вмѣсто шапки, взялъ со стола великолѣпнаго пушистаго кота, высоко поднялъ его за шиворотъ и уже хотѣлъ было надѣть на голову. И онъ, вѣроятно, исполнилъ бы свое намѣреніе, если бъ животное не запротестовало и въ критическій моментъ не выпустило когтей.

Долго еще мнѣ пришлось дожидаться въ пріемной своей очереди: ушелъ Мордовцевъ, позвана была въ кабинетъ неизвѣстная дама съ толстымъ сверткомъ, оказавшаяся, какъ я потомъ узналъ, довольно извѣстной беллетристкой К. В. Назарьевой, — наконецъ и я предсталъ передъ Юрьевымъ, который пригласилъ меня сѣсть, а самъ тотчасъ же исчезъ въ сосѣдней комнатѣ.

Опять жду около получаса. Появляется С. А. и садится за свой письменный столъ, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія. Чтобъ напомнить о себѣ, я кашлянулъ.

— Ахъ, да! — встрепенулъ С. А. и уставился на меня своими близорукими глазами. — Такъ вамъ, собственно, что же нужно?

Я подалъ рукопись и сконфуженно пробормоталъ:

— Пожалуйста, нельзя ли какъ-нибудь напечатать въ «Русской Мысли».

— Напечатать? — протянулъ С. А. какъ-то нараспѣвъ, высоко поднимая брови, и, взявъ рукопись, началъ ее быстро перелистывать. Не прошло трехъ-четырехъ минутъ, какъ онъ вернулъ мнѣ ее назадъ.

— Ну, вотъ-съ, прочелъ вашъ рассказъ... Ничего себя... Пишите еще.

Я смотрѣлъ вопросительно, какъ будто не совсѣмъ еще понимая, въ чемъ дѣло.

— Пишите, юноша, не упывайте: сразу вѣдь ничего не дается, нужно работать...

У меня захолонуло сердце.

— А этотъ разсказъ... вы не напечатаете?—спросилъ я упавшимъ голосомъ.

Юрьевъ всталъ и съ улыбкой похлопалъ меня по плечу. Я тоже поднялся съ мѣста.

— Ахъ, вы, юноша, юноша!—заговорилъ онъ ласково.—Вотъ вы всѣ такіе: состряпаете разсказецъ или повѣстущку и уже воображаете себя писателями. Знаете, что я вамъ посовѣтую: возьмите ваше произведеніе и спрячьте его подъ ключъ, а черезъ годъ перечитайте,—и вы сами будете удивлены, какъ можно было писать столь незрѣло. Вѣдь въ вашемъ повѣствованіи прежде всего нѣтъ художественности, картинности изложенія. Вотъ вы описываете сцену объясненія въ любви гдѣ-то тамъ въ саду или въ палисадникѣ. Герой, пишете вы, падаетъ къ ногамъ героини, а та ласкается въ это время рукой его шелковистые кудри. А между тѣмъ читатель совсѣмъ не представляетъ себѣ картины дѣйствія: ему прежде всего неясно, въ какой позѣ находятся влюбленные, такъ какъ онъ не знаетъ, стояли они или сидѣли до любовнаго объясненія; если они, напримѣръ, стояли, то для того, чтобы гладить волосы влюбленнаго, упавшаго къ ея ногамъ, героиня должна была или согнуться въ три погибели, или сѣсть на корточки,—и то и другое, разумѣется, въ высокой степени неэстетично. А вы возьмите подобныя же описанія у Тургенева. Какъ у него все просто и ясно до наглядности. Помните «Наканунѣ»? Инсаровъ, еще не оправившійся отъ болѣзни, слабый, сидѣлъ у себя въ комнатѣ на диванѣ и съ радостнымъ волненіемъ поджидалъ Елену. Вдругъ распахнулась дверь,—пишетъ Тургеневъ,—«и въ легкомъ, шелковомъ платьѣ, вся блѣдная, и вся свѣжая, молодая, счастливая, вошла Елена, и съ слабымъ радостнымъ крикомъ упала къ нему на грудь. «Ты живъ, ты мой», твердила она, обнимая и лаская его голову. Онъ замеръ весь, онъ задышался отъ этой близости, отъ этихъ прикосновеній, отъ этого счастья. Она сѣла возлѣ него и прижалась къ нему, и стала глядѣть на него тѣмъ смѣющимся и ласкающимъ и нѣжнымъ взглядомъ, который свѣтится въ однихъ только женскихъ любящихъ глазахъ...» Не правда ли, передъ вами точно живая картина? Вы отчетливо представляете себѣ все: и позу героевъ, и выраженіе ихъ лицъ, и каждое ихъ движеніе. Вотъ, милый юноша, учитесь, какъ нужно писать,—добавилъ онъ въ заключеніе и съ ласковой улыбкой подаль мнѣ руку.

Аудіенція была кончена, и я поспѣшилъ удалиться, весь сконфуженный, взволнованный, подавленный неудачей.

Впрочемъ, мое уныніе продолжалось недолго. «Ну что жъ,—думалъ я,—въ «Русской Мысли» не удалось устроиться—попробую еще гдѣ-нибудь: свѣтъ вѣдь не клиномъ сошелся...» И, рѣшивъ на этотъ разъ уже не задаваться никакими широкими замыслами,

въ особенности «не лѣзть» въ толстые журналы, я скромно направилъ стопы въ редакцію еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнальчика «Радуга», который издавался, кажется, Метцлемъ второй или третій годъ, а редактировался Мансфельдомъ, авторомъ многочисленныхъ фарсовъ и водевилей, передѣланныхъ съ французскаго языка. Это было какое-то странствующее изданіе, ибо не проходило недѣли безъ того, чтобы оно не переѣзжало съ одной квартиры на другую, такъ что на обложкѣ почти cadaго его номера обязательно красовался новый адресъ.

Не помню ужъ, гдѣ временно пріютилась редакція «Радуги», когда я принесъ туда свой злополучный рассказъ, — не то въ Столешниковомъ переулкѣ около Петровки, не то на Кузнецкомъ мосту, — припоминается мнѣ необычайно грязная лѣстница, сверху и до низу заплеванная и засоренная, какой-то темный чуланчикъ вмѣсто прихожей, далѣе полутемная комната съ единственнымъ окномъ, чуть не упиравшимся въ каменную желтую стѣну сосѣдняго дома и съ небольшою дверью въ видѣ арки со спущенной портьерой, за которой, надо полагать, скрывалось самое святилище редакціи, ибо я, какъ лицо постороннее, не былъ туда допущенъ. Лишь только я приблизился къ завѣтной двери, какъ изъ полутемной комнаты раздался гнусавый голосъ неопредѣленнаго пола и возраста особы, сидѣвшей за столомъ у окна и что-то писавшей:

— Вамъ что нужно? Туда нельзя!

— Мнѣ нужно видѣть господина редактора, — отвѣчалъ я не очень смѣло, но далеко уже не ощущая той робости, которую я испытывалъ въ редакціи «Русской Мысли».

— Редактора сейчасъ нѣтъ, — отчеканила особа, не глядя на меня и не поднимая головы.

Я уже хотѣлъ было уйти.

— Подождите! — раздался опять гнусавый голосъ. — Вы что? Рукопись, что ли, принесли? Давайте, я передамъ редактору...

И особа, относительно которой я уже не сомнѣвался, что это была женщина, хотя у ней были короткіе волосы, дымчатые очки на носу и нѣчто среднее между пиджакомъ и кофтой на плечахъ, — «особа» почти выхватила у меня изъ рукъ мой свертокъ. Очевидно, она была екретаремъ редакціи, ибо, получивъ отъ меня рукопись, привычнымъ движеніемъ сунула ее въ ящикъ стола и отрывисто, дѣловито-сухимъ ономъ сказала:

— Зайдите черезъ недѣлку...

Ровно черезъ недѣлю я зашелъ за отвѣтомъ. Редакція, кажется, уже собиралась «снятьсѣ съ якоря». По крайней мѣрѣ, въ полутемной комнатѣ царилъ хаосъ невообразимый: весь полъ былъ заваленъ какими-то тюками и ворохами бумаги. Я сталъ искать глазами знакомую «особу въ дымчатыхъ очкахъ», но ея нигдѣ не было. Повидимому, она скрылась за аркой, откуда доносились голоса.

Особенно отчетливо раздавался рѣзкій мужской голосъ, сердито взвизгивавшій на высокихъ нотахъ. Другой голосъ, тоже мужской, подавалъ ровныя, спокойныя реплики, свидѣтельствовавшія о невозмутимомъ хладнокровіи говорившаго. Сердитые звуки лились crescendo. Вдругъ распахнулась портьера, и изъ таинственной комнаты выскочилъ довольно плотный, небольшого роста брюнетъ, ожесточенно жестикулировавшій обѣими руками. За нимъ высунулась было чья-то голова, но сейчасъ же скрылась опять, а вслѣдъ затѣмъ изъ-за арки показалась моя знакомая «секретарша», которая, увидавъ меня, почему-то страшно смутилась и даже покраснѣла.

— Чортъ васъ возьми съ вашимъ журналомъ!—кричалъ въ это время брюнетъ.—Плывать я на него хочу... Мнѣ дорого мое литературное имя, вотъ что-съ!

Проходя мимо меня, онъ безцеремонно встряхнулъ меня за локоть.

— А! вѣрно, начинающій?—воскликнулъ онъ около самага моего уха.—Не совѣтую имѣть дѣло съ этой почтенной редакціей, или; вѣрнѣе... помойной ямой. Бѣгите отсюда, молодой человѣкъ, и, знаете, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Вотъ вамъ мой дружескій совѣтъ!

И, фамиллярно похлопавъ меня по плечу, онъ исчезъ за дверью. Я вопросительно посмотрѣлъ на «секретаршу», которая имѣла совсѣмъ сконфуженный видъ.

— Видали вы такихъ субъектовъ?—обратилась она ко мнѣ, какъ бы оправдываясь.—Совсѣмъ полоумный!

— Кто это?—полюбопытствовалъ я.

— Нѣкто Кичеевъ, театральнѣйшій рецензентъ одинъ... Принесъ намъ стихи напечатать, цензоръ сдѣлалъ въ нихъ пометку, и въ одной строфѣ не вышло рѣшимаго; вотъ онъ и разсердился: не надо было, говорить, совсѣмъ печатать... Ругался, какъ пьяный сапожникъ, а еще литераторъ!

— Ну, что мой рассказъ?—поспѣшилъ я ей задать вопросъ, интересовавшій меня въ данную минуту больше всего на свѣтѣ.

— Сейчасъ узнаю!

«Секретарша» юркнула въ сосѣднюю комнату и, тотчасъ же вернувшись, сказала:

— Редакторъ извиняется, что не можетъ васъ принять: онъ очень разстроенъ... Что же касается вашего рассказа, то...

Тутъ она почему-то запнулась и откашлянулась, а у меня отъ волненія похолодѣли руки и ноги.

— То онъ будетъ напечатанъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала!—выпалила она сразу и замолчала, любуясь произведеннымъ на меня впечатлѣніемъ.

— Правда?!—невольно вырвалось у меня наивно-радостное восклицаніе.

— Правда!

Я горячо пожалъ руку «стриженой особы въ дымчатыхъ очкахъ», которая въ эту минуту была мнѣ милѣ любой красавицы, и весь сіяющій, какъ свѣтло вычищенный передъ праздникомъ самоваръ, радостный и счастливый, помчался домой, чуть не спибая съ ногъ всѣхъ прохожихъ, встрѣчавшихся мнѣ на пути. Помнится, я обогналъ Кичеева и хвастливо заглянулъ ему въ лицо съ какимъ-то особымъ чувствомъ собственного достоинства, точно хотѣлъ ему сказать: «Что, братъ? И я вѣдь тоже литераторъ!»

П. И. Кичеева я встрѣчалъ послѣ этого много разъ и неоднократно велъ съ нимъ самыя разнообразныя бесѣды. Это былъ разносторонне образованный человѣкъ, чрезвычайно живой, находчивый и остроумный собесѣдникъ. Въ области театральной критики онъ занималъ выдающееся положеніе. Артисты слегка его побаивались и ругали за глаза, но всегда внимательно прислушивались къ его сужденіямъ, зачастую рѣзкимъ и даже беспощаднымъ по своей безапелляціонности, доставлявшимъ немало огорченій разнаго рода самолюбивымъ бездарностямъ. Въ его печатныхъ отзывахъ объ игрѣ того или иного артиста, о достоинствахъ или недостаткахъ той или иной пьесы нельзя было не цѣнить прежде всего удивительной искренности и, такъ сказать, внутренней убѣжденности, съ какою онъ отстаивалъ свою точку зрѣнія, въ большинствѣ случаевъ вполне своеобразную, шедшую иногда въ разрѣзъ съ общепринятыми взглядами и теоріями. Какъ ни представлялись иногда парадоксальными его эстетическія воззрѣнія, нельзя было не считаться съ ними,—такъ остроумно и діалектически тонко умѣлъ онъ ихъ проводить и защищать въ своихъ талантливыхъ рецензіяхъ. Въ глазахъ московской публики Кичеевъ былъ непререкаемымъ авторитетомъ, съ которымъ могъ соперничать развѣ одинъ только Васильевъ (С. В. Флеровъ), очень извѣстный въ свое время театральный критикъ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія послѣднему дѣйствительно принадлежала руководящая роль въ области театральной критики, у него также было много поклонниковъ и поклонницъ, и численностью своихъ кадровъ «васильевцы», пожалуй, не уступали «кичевцамъ». Кто не помнитъ этого изящнаго старца съ красивой бѣлой головой, слегка наклоненной на бокъ, въ черномъ рединготѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, въ перчаткахъ и съ морскимъ биноклемъ черезъ плечо? На всѣхъ первыхъ представленіяхъ Малаго театра можно было его видѣть неизмѣнно сидящимъ въ верхнемъ ряду амфитеатра партера, гдѣ онъ имѣлъ постоянное, ему одному принадлежавшее мѣсто. Эта «застегнутость» на всѣ пуговицы была чрезвычайно характерна для Васильева: такимъ же «внутренне застегнутымъ», непроницаемымъ онъ бывалъ обыкновенно и въ своихъ театральныхъ рецензіяхъ, гдѣ частенько приходилось читать между строкъ и угадывать такія тайны, кото-

рыя весьма скоро потомъ становились «секретомъ полишинеля». Васильевъ держалъ себя въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», — по крайней мѣрѣ, на моей памяти, при В. А. Грингмутѣ, — чрезвычайно независимо: не ходилъ къ редактору «на поклонъ», не участвовалъ въ редакціонныхъ собраніяхъ и т. д. Отношенія его къ редакціи ограничивались тѣмъ, что онъ разъ въ недѣлю посылалъ на Страстной бульваръ свой очередной фельетонъ и разъ въ мѣсяцъ приходилъ туда же за гонораромъ, причемъ его появленіе въ нѣдрахъ грингмутовской «фабрики казеннаго патріотизма» производило всегда нѣкотораго рода сенсацію: сотрудники окружали его тѣснымъ кольцомъ и наперерывъ говорили ему комплименты, до которыхъ онъ былъ вообще большой охотникъ. Покойный, — надо ему отдать справедливость, — немного-таки страдалъ маніей величія. Онъ, напримеръ, не допускалъ, чтобы въ статьяхъ его производились какія-либо, хотя бы малѣйшія измѣненія: повидимому, онъ цѣнилъ каждое свое слово, такъ сказать, на вѣсь золота. Въ общемъ, это былъ настоящій писатель-аристократъ съ салоннымъ лоскомъ даже въ манерѣ письма. Осторожный, мягкій, онъ не обмолвится ни однимъ словечкомъ, оскорбляющимъ слухъ, и если дастъ проглотить пилюлю, то сначала ее позолотитъ. Кичеева же можно назвать скорѣе писателемъ-демократомъ. Этотъ рубить прямо съ плеча, нисколько не заботясь о мягкости или галантности выраженій. Если онъ найдетъ нужнымъ, то не только дастъ вамъ проглотить пилюлю, не золотя ее, но и пригвоздитъ васъ къ позорному столбу. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ бывалъ часто совершенно невыносимъ. Со своимъ насмѣшливымъ задоромъ, съ привычкою всѣмъ «рѣзать правду» въ глаза онъ безпрестанно нарывался на скандалы, которые иногда оканчивались для него весьма плачевно. Но ни вызовы на дуэль, ни пощечины не помогали, и Кичеевъ остался вѣренъ себѣ до самой смерти. «Горбатаго» могла исправить лишь одна могила.

II.

Сотрудничеству въ «Радугѣ» я обязанъ, между прочимъ, и первой своей встрѣчей съ А. П. Чеховымъ. Не помню въ точности, въ которомъ это было году, — не то въ 83-мъ, не то въ 84-мъ, — но стоялъ морозный зимній день. Я зашелъ въ редакцію за какою-то справкой. Было воскресенье и, вѣроятно, по случаю праздничнаго дня никого изъ служащихъ тамъ не оказалось, кромѣ сторожа да какого-то молодого человѣка, который тоже, очевидно, только что вошелъ и нерѣшительно переминался съ ноги на ногу, не зная, что ему предпринять: уходить или дожидаться. Съ поднятымъ барашковымъ воротникомъ, до половины закрывавшимъ ему уши, съ круглой войлочной шапкой на головѣ и съ руками, засунутыми въ карманы, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка озябшаго.

— Чортъ знаетъ,—пробасилъ онъ,—вотъ уже другой день захожу понапрасну: у меня, наконецъ, времени нѣтъ!

И, какъ бы нища во мнѣ сочувствія, онъ пристально на меня взглянулъ, потомъ медленными шагами, слегка покачивающейся походкой направился къ выходу. Тотчасъ же вслѣдъ за нимъ и я вышелъ, сказавъ сторожу, что зайду завтра.

Молодой человѣкъ показался мнѣ очень симпатичнымъ и, нагнавъ его еще на лѣстницѣ, я поспѣшилъ завести съ нимъ разговоръ. Онъ очень ласково отвѣтилъ мнѣ на какой-то вопросъ и, когда мы вышли на улицу, въ свою очередь спросилъ:

— Вамъ куда: налѣво или направо?

— Налѣво!.. Впрочемъ, все равно, я съ удовольствіемъ пройду съ вами,—отвѣчалъ я, и мы пошли направо, по направленію къ Тверской улицѣ.

Мой собесѣдникъ оказался довольно разговорчивымъ. Я узналъ, что онъ студентъ-медикъ V курса и что онъ уже давно «пописываетъ въ разныхъ юмористическихъ журнальчикахъ».

— Такъ, знаете ли, пустячки разные... Все-таки заработокъ!—проговорилъ онъ съ какою-то удивительно милой, дѣтской улыбкой на лицѣ и такимъ тономъ, какъ будто оправдывался, что позволялъ себѣ заниматься столь нехорошимъ дѣломъ.

— Я, вѣроятно, читалъ... А какъ ваша фамилія,—позвольте узнать?

— Чеховъ, Антонъ Павловичъ... Но я подписываюсь различно, чаще всего «Антоша Чехонте».

Фамилія «Чеховъ» ничего не говорила моему слуху, но подпись «Антоша Чехонте» мнѣ дѣйствительно припомнилась: гдѣ-то, со всѣмъ еще недавно я видѣлъ ее въ печати.

— Вы и въ «Радугѣ» сотрудничаете?—полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, только еще собираюсь, знаете ли... Хочу предложить Мансфельду одну драматическую вещицу: вѣдь онъ самъ, кажется, драмодѣлъ... Можетъ быть, напечатаетъ!

— Конечно, напечатаетъ,—отозвался я.—А вы что, собственно, написали: комедію или драму?

Но Чеховъ не отвѣтилъ на мой вопросъ. Его глаза вдругъ какъ-то весело заискрились, онъ замедлилъ шаги и, взявъ меня подъ локоть, сказалъ своимъ низкимъ груднымъ голосомъ:

— Послушайте, хотите пиво пить? Вотъ тутъ хорошая портерная (онъ указалъ на выѣску). Или вамъ нельзя какъ гимназисту,—входъ въ «богоугодныя заведенія» воспрещенъ? У насъ въ Таганрогѣ было очень строго на этотъ счетъ и отъ гимназистовъ требовалась полнѣйшая институтская невинность.

— Нѣтъ, у насъ ничего, можно...—поспѣшилъ я заявить своему спутнику и неожиданному компаньону, чувствуя себя въ душѣ чрезвычайно польщеннымъ его предложеніемъ.

Въ такомъ случаѣ *eamus et bibamus!*—весело воскликнулъ по-латыни Чеховъ, и мы зашли въ портерную.

Несмотря на значительную разницу лѣтъ между нами, Чеховъ относился ко мнѣ совсѣмъ по-товарищески, какъ равный къ равному, безъ всякаго менторства,—и это мнѣ ужасно понравилось.

Мы сѣли за мраморный столикъ, и за бутылкой пива снова потекли у насъ оживленная бесѣда.

Чеховъ пришелъ въ игривое настроеніе, мило шутилъ и, обращаясь къ служащему въ портерной мальчику, съ комичной почтительностью называлъ его по имени и отчеству. Потомъ онъ началъ мнѣ рассказывать про университетъ, мѣтко характеризуюя нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ «свѣтилъ» медицинскаго факультета, передавалъ смѣшныя анекдоты о профессорахъ Захарьинѣ и особенно Бабухинѣ, и я покатывался со смѣху. Но вотъ онъ внезапно сталъ серьезенъ и задумался.

— О чемъ это вы?—спросилъ я.

— Послушайте,—началъ онъ, перемѣнивъ тонъ:—вотъ мы смѣемся, а это нехорошо надъ такими людьми смѣяться, ихъ уважать, благоговѣть передъ ними нужно... Подумайте только, сколько приносятъ и принесутъ еще пользы нашему отечеству эти благородные труженики науки!

— А вы, Антонъ Павловичъ,—спросилъ я спустя нѣкоторое время,—думаете посвятить себя литературѣ, или тоже сдѣлаетесь какимъ-нибудь Захарьинымъ?

— Боже избави,—улыбнулся Чеховъ:—я даже и въ мечтахъ никогда не заношусь такъ высоко... Я просто буду земскимъ врачомъ—вотъ и все... а литература—это такъ, между прочимъ...

Онъ опять задумался.

— Я давно пришелъ къ заключенію,—продолжалъ онъ:—что настоящее, живое дѣло можно найти лишь въ деревнѣ, среди бѣдныхъ мужицкихъ хатъ, среди голоднаго, оборваннаго, темнаго люда, питающагося отрубями и мякиной... Подумайте же, какъ эти звѣроподобныя существа нуждаются въ помощи! Вотъ вы скоро гимназію кончите... Знаете что? Идите вы въ народные учителя, ей-Богу же, идите: это самая почтенная дѣятельность, которую только можно себѣ представить...

И Чеховъ съ жаромъ принялся развивать свою мысль, доказывая мнѣ, что, если, по окончаніи гимназіи, я не сдѣлаюсь тотчасъ же народнымъ учителемъ, то это будетъ съ моей стороны чуть ли не измѣной отечеству. Лицо его было совершенно серьезно, но мнѣ казалось, что онъ шутитъ.

Такъ прошло съ полчаса. Передъ нами стояли двѣ опорожненныя бутылки пива, разговоръ началъ изсякать и мы разстались.

Послѣ этого я не встрѣчался съ Чеховымъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, когда онъ успѣлъ уже сдѣлаться знаменитымъ писателемъ и

имя его гремѣло на всю Россію. Наша новая встрѣча произошла лишь въ маѣ 1899 года, когда въ Москвѣ готовились Пушкинскія торжества по случаю столѣтней годовщины со дня смерти великаго поэта. Я сотрудничалъ тогда въ газетѣ «Русское Слово», еще только начинавшей свою впослѣдствіи чисто феерическую карьеру и со-всѣмъ незадолго передъ тѣмъ влачившей жалкое существованіе въ рукахъ нѣкоего Анатолія Александрова, который «числился» почему-то приватъ-доцентомъ московскаго университета, хотя лекцій и не читалъ. Этотъ Александровъ являлъ собою образецъ настолько типичнаго русскаго интеллигента, что о немъ стоитъ поговорить. Съ виду онъ производилъ впечатлѣніе нигилиста, что-то въ родѣ Марка Волохова,—неуклюжій, съ лѣнливой, развалистой походкой, крайне неряшливо одѣтый, почти никогда не умытый и не причесанный, и волкомъ глядѣвшій на васъ исподлобья. Но вы съ удивленіемъ узнавали, что этотъ «нигилистъ» преусердно кладетъ въ церкви земные поклоны, соблюдаетъ всѣ посты и ежедневно читаетъ «Московскія Вѣдомости»; знакомство же ведетъ преимущественно съ «сильными міра», которые и помогаютъ ему обдѣлывать разныя «дѣлишки».

Когда Анатолій Александровъ задумалъ однажды «разбогатѣть», то онъ рѣшилъ издавать газету. Чѣмъ онъ самомъ дѣлѣ хуже другихъ? Вотъ Комаровъ сталъ издавать «Свѣтъ» и нажилъ сотни тысячъ. Вся суть въ томъ, чтобы выхлопотать себѣ дешевое изданіе, которое, благодаря доступной цѣнѣ, расходилось бы въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ. А у него есть сильная «рука» въ Петербургѣ, въ лицѣ К. П. Побѣдоносцева, и, конечно, ему дешевую газету разрѣшать.

Такъ и вышло. Александрову разрѣшено было издавать дешевую газету «Русское Слово» съ подписной платой 5 рублей въ годъ. И вотъ это диковинное изданіе начало выходить въ свѣтъ. Велось оно прямо-таки «кустарнымъ» способомъ, почти безъ помощи постороннихъ сотрудниковъ: весь газетный листъ заполнялся произведеніями самого редактора-издателя и членовъ его семьи. Направленіе газеты было, конечно, ультра-консервативное съ оттѣнкомъ яраго шовинизма. Послѣ десятка кликушескихъ, квазі-патріотическихъ передовыхъ статей, въ которыхъ восхвалялись прелести тогдашняго приказно-бюрократическаго строя, Александровъ ѣздилъ въ Петербургъ и привозилъ оттуда болѣе или менѣе жирную субсидію. Почти каждая такая поѣздка его, — а ихъ было нѣсколько въ годъ, — обязательно сопровождалась «подачкой».

— Ну что, Анатолій Александровичъ, благополучно съѣздили? Можно поздравить? — не безъ единства освѣдомлялись «благопріятели» и тутъ же прибавляли: — конечно, вы пригласите теперь хорошихъ сотрудниковъ, и газета пойдетъ бойко, не правда ли?

Александровъ молчалъ, но добродушно-плутоватая улыбка, появлявшаяся на его лицѣ, говорила:

— Какъ бы не такъ! Нашли тоже просточка!

И дѣйствительно: субсидіи незамѣтно таяли въ его рукахъ, а злополучная газета продолжала издаваться все тѣмъ же «кустарнымъ способомъ», и ея скудный тиражъ быстро шелъ на убыль.

Тогда кто-то надоумилъ И. Д. Сытина, учредителя извѣстнаго московскаго книгоиздательства, купить у Александрова «Русское Слово». Сытинъ «рискнулъ» и приобрѣлъ «дышащее на ладанъ» изданіе. Будучи человѣкомъ большой коммерческой сметки, онъ зналъ, что не будетъ въ проигрышъ и сразу поставилъ дѣло на широкую ногу: организовалъ контору газеты съ цѣлымъ штатомъ служащихъ, сформировалъ редакцію, поставивъ во главѣ ея редакторомъ же издаваемого журнала «Вокругъ Свѣта» Е. Н. Киселева, и привлекъ къ сотрудничеству нѣсколько видныхъ московскихъ журналистовъ. Газета оживилась и пошла въ гору. Но Сытинъ недоволенъ былъ успѣхами своего «Русскаго Слова» и вначалѣ все жаловался. Помнится, при первомъ же моемъ появленіи въ редакціи онъ счелъ нужнымъ обратиться ко мнѣ съ цѣлой іереміадой, заканчивавшейся словами:

— Вы ужъ насъ пожалѣйте: наша газетка бѣдная...

Конечно, «приходилось жалѣть» бѣднаго издателя и пятачокъ за строку считать превосходнымъ гонораромъ. Между тѣмъ тиражъ газеты уже въ то время доходилъ до 20 тысячъ экземпляровъ въ день, что для начала можно было считать прямо великолѣпнымъ. Но Сытину съ его сангвиническимъ темпераментомъ, повидимому, сразу хотѣлось загребать золотыя горы, и «малымъ» довольствоваться онъ не желалъ.

Вскорѣ послѣ меня къ сотрудничеству въ «Русскомъ Словѣ» былъ привлеченъ знаменитый тогда публицистъ С. Ф. Шараповъ, прославившійся своимъ походомъ противъ Виттевской золотой валюты и потерпѣвшій полное крушеніе въ видѣ прекращенія навсегда издававшагося имъ журнала «Русскій Трудъ». Переступая порогъ новой редакціи, Шараповъ мечталъ произвести въ газетѣ коренныя реформы, очистить ее, выкурить изъ нея «уличный букетъ», какъ онъ выражался.

— Удивляюсь, господа, какъ вы можете дышать въ подобной атмосферѣ: вѣдь это же такое нестерпимое зловоніе, что надо зажмать носъ!—волнуясь и жестикулируя, началъ онъ свою образную «шараповскую» рѣчь, обращаясь къ кому-то изъ сотрудниковъ въ присутствіи редактора Киселева.—Посмотрите, что у васъ дѣлается въ хроникѣ, въ репортажѣ: сплошной шантажъ! А ваши злободневные фельетоны,—въ нихъ нѣтъ ни искорки остроумія, ни литературности, ни даже простой элементарной грамотности, въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ тупого, бессмысленнаго зубоскальства...

Добродушный Е. Н. Киселевъ внимательно выслушивалъ отповѣдь Шарапова и соглашался съ нимъ. Самъ онъ, въ сущности, безсиленъ былъ что-либо предпринять къ улучшенію газеты. Дѣло въ томъ

что онъ былъ лишь номинальнымъ ея редакторомъ, фактически же въ ней полновластно распоряжался Аксель Карл. Гермоніусъ, одесскій журналистъ ¹⁾, приглашенный Сытинымъ на амплуа секретаря редакціи. Гермоніусъ спустилъ газету на самое дно мелкой уличной прессы: въ ней въ изобиліи появилась порнографія и стали процвѣтать разные шутовскіе отдѣлы съ коротенькими строчками и нелѣпыми абзацами. Въ фельетонахъ царили Берендей и Мясницкій. Первый подъ видомъ злободневной «свистопляски» описывалъ московскихъ купчихъ, а второй развращалъ читающую публику, повѣствуя о томъ, какъ кучеръ Фалалей попалъ въ любовники къ одной замоскворѣцкой Дульдинѣ и «дочиста ее обобралъ». Матеріалъ для хроники доставлялся преимущественно двумя юркими репортерами еврейскаго типа, за которыми приходилось, какъ говорится, «глядѣть въ оба». Сколько хлопотъ и огорченій причиняли они, бывало, бѣдному Е. Н. Киселеву! Онъ почти ни во что въ газетѣ не вмѣшивался, предоставляя Гермоніусу свободу дѣйствій, но за хроникой слѣдилъ зорко и неусыпно, внимательно прочитывая въ корректурѣ каждую строчку. Бывало, войдешь къ нему въ редакторскій кабинетъ,—онъ сидитъ надъ гранками блѣдный, съ страдальческимъ выраженіемъ лица.

— Что съ вами, Евграфъ Николаевичъ? Вы больны?

Киселевъ сердито бросалъ на столъ свой толстый цвѣтной карандашъ и въ отчаяніи хватался за голову обѣими руками.

— Еще бы! Какъ тутъ не заболѣть!—восклицалъ онъ тономъ измученнаго человѣка.—Вы только посмотрите на эту жидовскую страпню, поднесите ее къ носу, понюхайте: вѣдь пахнетъ самымъ грязнымъ, самымъ возмутительнымъ шантажомъ!

И онъ давалъ мнѣ прочитывать замѣтку, въ которой измышлялось какое-нибудь неправдоподобное, клеветническое извѣстіе, имѣвшее цѣлю или пошатнуть репутацію почтенной торговой фирмы или втоптать въ грязь доброе имя извѣстнаго общественнаго дѣятеля.

Вотъ этотъ «уличный букетъ» и задумалъ выкурить изъ «Русскаго Слова» С. Ф. Шараповъ. Задача была не изъ легкихъ. Впрочемъ, ему отчасти благопріятствовала сама судьба, ибо Гермоніусъ уѣхалъ въ продолжительный лѣтній отпускъ, и фактическимъ редакторомъ въ его отсутствіе *volens nolens* сдѣлался Киселевъ. Шараповъ тотчасъ же почувствовалъ себя хозяиномъ положенія и съ жаромъ принялся за «чистку». Началъ онъ съ того, что почти никому изъ сотрудниковъ не давалъ писать, стараясь заполнить всю газету своими собственными статьями. А легкость и быстрота, съ какими онъ ихъ писалъ, были просто изумительны. Достаточно сказать, что иногда онъ

¹⁾ А. К. Гермоніусъ долгое время состоялъ фактическимъ редакторомъ «Петербургской Газеты» С. Н. Худекова и послѣ одной непріятной исторіи въ Петербургѣ вынужденъ былъ перебраться въ Одессу.

успѣвалъ «настрочить» въ извозчичьей пролеткѣ во время переѣзда изъ своей квартиры въ редакцію цѣлый фельетонъ строкъ въ пять-сотъ. Работать же онъ могъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: напр., въ редакціи идетъ оживленный разговоръ, шумъ, смѣхъ,—а онъ приткнется гдѣ-нибудь въ неудобнѣйшей позѣ, какую только можно себѣ представить,—или на краю стола или на подоконникѣ,—и исписываетъ листъ за листомъ, рѣшительно никого не замѣчая. Шараповъ буквально наводнилъ «Русское Слово»,—и передовыми статьями, и фельетонами, и еще какими-то «Дневниками земледѣльца; словомъ, и въ верху, и въ серединѣ, и въ низу газеты былъ все тотъ же неистощимо-плодовитый Шараповъ, подававшійся подъ равными соусами... Волками взвыли тогда сотрудники «Русскаго Слова», а одинъ изъ нихъ, нѣкій Иорданъ, «передовикъ», писавшій самыя невѣроятныя пошлости о чемъ угодно и сколько угодно и теперь, по милости Шарапова, почти лишившійся заработка, даже запилъ съ горя и, какъ мнѣ впослѣдствіи передавали, пропилъ не только все свое носильное платье, но и дворянскую фуражку, которой весьма гордился.

Вскорѣ вернулся изъ отпуска Гермоніусъ, и все пошло по старому. Борьба оказалась Шарапову не по силамъ, и «оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ журналистъ» вынужденъ былъ съ достоинствомъ ретироваться, еле успѣвъ довести до конца первую часть своей повѣсти «Черезъ полвѣка», а Мясницкій снова занялъ утраченную было въ газетѣ позицію...

Выше я вскользь упомянулъ о готовившихся въ Москвѣ Пушкинскихъ торжествахъ. Хорошо помню день 27 мая 1899 года, когда въ колонной залѣ «россійскаго благороднаго собранія» должно было состояться торжественное засѣданіе общества любителей россійской словесности, посвященное памяти А. С. Пушкина. Въ этотъ день уже съ 11 часовъ утра всѣ члены редакціи «Русскаго Слова» были въ сборѣ. Обсуждался между прочимъ вопросъ, кто будетъ читать привѣтственный адресъ, составленный Гермоніусомъ. Большинство отказывалось отъ этой «чести» подъ разными предлогами, не исключая самого составителя, который отговаривался тѣмъ, что у него «зубъ со свистомъ». Киселевъ заявилъ, что онъ «не въ голосѣ» да и вообще не привыкъ выступать на эстрадѣ въ качествѣ солиста, а Сытинъ, которому также была предложена эта роль, испуганно замахалъ руками и откровенно сознался, что въ тотъ моментъ, когда ему придется вымолвить первое слово, у него сдѣлается «здоровенная спазма» въ горлѣ и что ничего изъ этого, кромѣ скандала, не получится. Очередь дошла до меня, и я «храбро принялъ вызовъ». Однако, ознакомившись съ текстомъ адреса, я пришелъ въ сильное смущеніе, такъ какъ увидѣлъ, что послѣдній на три четверти былъ посвященъ самой беззащитной рекламѣ «товарищества И. Д. Сытина». Оказалось потомъ, что Гермоніусъ написалъ свое «сочиненіе»

подъ вліяніемъ и въ угоду одного изъ директоровъ правленія названнаго товарищества.

— Господа, я не стану читать подобнаго адреса!—обратился я къ присутствовавшимъ.—Это не привѣтствіе отъ литературныхъ изданій, газеты «Русское Слово» и журнала «Вокругъ Свѣта»,—а самая настоящая да къ тому же и совсѣмъ неумѣстная реклама торговой фирмы... Какъ хотите, господа, но я читать отказываюсь!

Гермоніуса покорило отъ моихъ словъ, его большіе стеклянные глаза сразу сдѣлалась злыми, и, едва скользнувъ взглядомъ по моему лицу, онъ криво усмѣхнулся.

— Ну, и не читайте!—бросилъ онъ куда-то въ сторону.—Мнѣ въ высокой степени наплевать, а если хотите, такъ даже и на..... (онъ произнесъ свое любимое «непечатное слово»).

Я уже готовъ былъ вспыхнуть, но мягкій и джентльменски-корректный Е. Н. Киселевъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, явился нашимъ примирителемъ.

— О чемъ тутъ разговаривать, господа?—вмѣшался онъ.—Если адресъ не вполне удаченъ, то можно его сейчасъ же исправить: у насъ еще много времени... Ну-съ, господа, давайте... за работу!

Черезъ нѣсколько минутъ былъ составленъ и уже отправленъ въ типографію новый адресъ, вполне приличный, который я и согласился прочитать въ засѣданіи общества любителей россійской словесности.

Сытинъ былъ чрезвычайно обрадованъ столь благополучнымъ исходомъ дѣла и «на радостяхъ» поспѣшилъ пригласить меня завтракать въ «Славянскій Базаръ».

— Тамъ будетъ Антонъ Павловичъ Чеховъ,—добавилъ онъ, какъ бы вскользь, повидимому, и не подозревая, какое впечатлѣніе произведутъ на меня эти слова.

— Антонъ Павловичъ?!—воскликнулъ я, чувствуя, какъ отъ волненія у меня сильно забилося сердце.—Онъ здѣсь сейчасъ, въ Москвѣ?

— Да, вчера только пріѣхалъ... Вызвалъ меня къ телефону, уговорились встрѣтиться въ ресторанѣ въ 12 часовъ... Батюшки! Четверть перваго уже... Скорѣй, скорѣй ѣдьте!

И мы немедленно поѣхали въ «Славянскій Базаръ». Лѣтъ пятнадцать я не видѣлъ Чехова и мнѣ такъ страстно хотѣлось взглянуть на него, какъ говорится, «хоть однимъ глазкомъ», посмотреть, каковъ онъ теперь, этотъ скромный студентъ, сидѣвшій со мной въ пивной и рассказывавшій смѣшные анекдоты про Бабухина, отъ которыхъ я хохоталъ до слезъ,—каковъ онъ въ роли знаменитаго писателя. Я прямо горѣлъ отъ любопытства, и когда мы вошли въ общій залъ ресторана, гдѣ долженъ былъ находиться Чеховъ, чувствовалъ, что никого не вижу и не хочу видѣть, кромѣ него. Глаза мои разсѣянны

блуждали по сторонамъ, и все окружающее сливалось для меня въ одинъ воображаемый образъ.

— Да гдѣ же онъ, наконецъ, гдѣ Антонъ Павловичъ?—нетерпѣливо вырвалось у меня вслухъ.

— А вотъ онъ сидитъ на диванчикѣ-то,—махнулъ Сытинъ рукой куда-то влѣво и пошелъ впередъ.

Тутъ только я замѣтилъ Чехова. Онъ сидѣлъ, какъ мнѣ показалось, въ глубокой задумчивости, слегка согнувшись на бокъ и откинувшись головой назадъ, въ той любимой своей позѣ, которую я такъ часто встрѣчалъ потомъ на многочисленныхъ его фотографическихъ изображеніяхъ. Лицо у него было изжелта-блѣдное, сумрачное, и весь онъ имѣлъ чрезвычайно утомленный, почти измученный видъ: роковая болѣзнь, сведшая его въ могилу, очевидно, уже давала себя чувствовать. Когда подошелъ къ нему Сытинъ съ какимъ-то ласковымъ возгласомъ, Чеховъ вяло улынулся одними уголками губъ, чуть-чуть привсталъ и, опустившись на мѣсто, сталъ теревить пальцами свою русскую бородку. Вслѣдъ за тѣмъ и я приблизился къ нему и, отрекомендовавшись, сказалъ, что когда-то имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нимъ въ редакціи одного маленькаго журнальчика.

— Какъ же, какъ же, помню...—проговорилъ Чеховъ своимъ бархатнымъ баскомъ, но я отлично замѣтилъ по выраженію его лица, что онъ совершенно не помнитъ ни меня, ни обстоятельствъ нашей встрѣчи, и только изъ любезности не хочетъ въ этомъ сознаться.

Мы сѣли за столъ, и намъ вскорѣ подали завтракъ. Чеховъ почти ничего не ѣлъ, а вина даже совсѣмъ не пилъ и все время былъ мраченъ. Трудно было втянуть его въ разговоръ. Онъ или молчалъ, или давалъ односложные отвѣты на обращенные къ нему вопросы. Только разъ онъ оживился, когда рѣчь зашла о Львѣ Толстомъ.

— Я недавно былъ у него въ Ясной Полянѣ,—заговорилъ Чеховъ, и сумрачное лицо его вдругъ просвѣтлѣло.—Какой же это интересный человѣкъ: если попробовать его изучать, то можно въ немъ провалиться, какъ въ бездонномъ колодезѣ... А какая сила духа! Когда говоришь съ нимъ, чувствуешь себя въ полной его власти... Я не встрѣчалъ людей болѣе обаятельныхъ и болѣе, такъ сказать, гармонически созданныхъ. Онъ весь гармонія и красота. Въ его плѣнительномъ духовномъ образѣ нѣтъ ни одной черточки, ни малѣйшаго штриха недоконченнаго: все въ немъ опредѣленно, точно и ясно до послѣдней степени. Это человѣкъ почти совершенный. Близорукіе критики указываютъ на раздвоенность, будто бы, въ его натурѣ, говорятъ, что художникъ въ немъ одно, а философъ другое, и что оба эти начала, яко бы, враждуютъ между собой... Какой вздоръ! Толстой столько же философъ въ художественномъ творествѣ, сколько художникъ въ философіи... Это удивительно цѣльная натура.

Въ доказательство своей мысли Чеховъ привелъ двѣ цитаты изъ произведеній Толстого, одну—изъ «Войны и мира», другую—изъ «Крейцеровой сонаты», и замолкъ. Заставить его вновь разговариваться мнѣ такъ и не удалось больше. А между тѣмъ время приближалось уже къ двумъ часамъ. Пора было ѣхать въ собраніе.

— А что же вы, Антонъ Павловичъ,—спросилъ я:—развѣ не примете участія въ Пушкинскихъ празднествахъ?

— Нѣтъ, гдѣ мнѣ ужъ? У меня же и костюма нѣтъ подходящаго.. Тамъ и безъ меня обойдутся,—отвѣчалъ онъ съ обычной своей скромностью.

— Помилуйте, какъ обойдутся безъ васъ?—горячо возразилъ я ему.—Да вѣдь вы теперь единственная краса и гордость нашей литературы послѣ Пушкина! Кто же, кромѣ Толстого, можетъ оспаривать у васъ первое мѣсто? Нѣтъ, Антонъ Павловичъ, ваше отсутствіе на сегодняшнемъ юбилейномъ торжествѣ будетъ чрезвычайно замѣтно.

Чеховъ загадочно улыбнулся, и сказалъ:

— Ничего, найдутся другія свѣтила, поярче... Развѣ ужъ ихъ мало въ Москвѣ?

На этомъ у насъ кончился разговоръ, и мы разошлись.

Въ третій и въ послѣдній уже разъ я встрѣтился съ Чеховымъ года за два до его смерти. Это было зимою. Онъ шелъ по Неглинной съ артистомъ Художественнаго театра А. Л. Вишневымъ, направляясь къ конторѣ государственнаго банка, гдѣ они и разстались у самаго подъѣзда. Какъ разъ въ это время я изъ банка выходилъ, и мы сошлись съ Чеховымъ лицомъ къ лицу. Къ удивленію моему, онъ узналъ и окликнулъ меня первый.

— А я, знаете ли, по финансовому дѣлу спѣшу,—сказалъ онъ, наскоро пожимая мнѣ руку:—нужно совершить маленькую операцію... Да, боюсь, не опоздалъ ли?

— Да, пожалуй, что и поздно: уже около 3-хъ часовъ... А у васъ что за операція?

— Размѣнять хочу процентную бумагу...

— Вотъ что, Антонъ Павловичъ,—предложилъ я:—позвольте ужъ оказать вамъ маленькую услугу: у меня здѣсь хорошіе знакомые есть, и я попрошу, чтобъ вамъ сдѣлали все, что нужно, безъ задержки.

Чеховъ поблагодарилъ, и мы сейчасъ же поднялись съ нимъ наверхъ по лѣстницѣ въ фондовое отдѣленіе. Никогда не забуду, какую сенсацію произвело здѣсь неожиданное появленіе популярнаго писателя, котораго всѣ немедленно узнали и безцеремонно принялись разсматривать. «Чеховъ, Чеховъ!» слышались отовсюду сдержанные восклицанія. Многіе оставили свои занятія и повскакали съ мѣстъ, чтобъ лучше его разглядѣть,—однимъ словомъ, поднялся цѣлый переполохъ... Даже управляющій кон-

торою Н. Я. Малевинскій, которому, очевидно, доложили о приходѣ Чехова, вышелъ изъ своего кабинета и поспѣшно направился къ намъ. Поздоровавшись съ Антономъ Павловичемъ и сказавъ по его адресу нѣсколько любезностей, онъ распорядился, обращаясь къ чиновнику, который и безъ того ужъ, какъ говорится, «изъ кожи лѣзъ вонъ», чтобъ расчетъ былъ произведенъ «безъ малѣйшаго замедленія».

— Моя протекція оказалась излишней,—сказалъ я Чехову вполголоса:—вотъ что значить быть знаменитымъ писателемъ!

Но я видѣлъ, что Чехову совсѣмъ не нравилось въ данный моментъ «быть знаменитымъ писателемъ», и отъ того, что онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, его замѣтно корбило. Онъ весь какъ-то съежился и старался ни на кого не глядѣть. Помнится, я заговорилъ съ нимъ о Максимѣ Горькомъ, съ которымъ онъ находился тогда въ близкихъ отношеніяхъ. У всѣхъ еще былъ въ памяти надѣлавшій много шума инцидентъ въ Художественномъ театрѣ, когда Горькій, мирно бесѣдовавшій съ Чеховымъ въ одномъ изъ антрактовъ за стаканомъ чаю, вдругъ обратился къ обступившей ихъ столику любопытствующей публикѣ съ чрезвычайно рѣзкой фразой: «Чего вы глазѣте? Я вѣдь не балерина и не утопленникъ» и т. д.

— Неужели все это такъ происходило, какъ писалось въ газетахъ?—спросилъ я Чехова.

— Ахъ, ничего подобнаго!—отвѣчалъ онъ съ досадою и поморщился.—Это же все страшное репортерское лганье... Послушайте, да развѣ же могъ Горькій такъ поступить? Никогда! Онъ слишкомъ уменъ для этого...

И Чеховъ, нѣсколько волнуясь, сталъ мнѣ рассказывать, какъ «инцидентъ» происходилъ въ дѣйствительности. Оказывается, что Горькій не говорилъ публикѣ никакихъ рѣзкостей и лишь попросилъ, чтобъ ему дали возможность «спокойно бесѣдовать съ Антономъ Павловичемъ безъ свидѣтелей».

III.

Въ моей жизни была полоса, —какъ это ни кажется мнѣ теперь страннымъ и смѣшнымъ,—когда я былъ довольно близокъ съ редакціей грингмутовскихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Ревностный послѣдователь и «выученикъ» Каткова В. А. Грингмутъ получилъ аренду названной газеты въ концѣ 1896 года, послѣ того, какъ покинулъ постъ директора лицея цесаревича Николая. Припоминается мнѣ другой директоръ этого же учебнаго заведенія, его предшественникъ, К. Н. Станищевъ, съ которымъ я вель тогда знакомство и отъ котораго много слышалъ о Грингмутѣ.

— Я знаю Грингмута съ самыхъ молодыхъ лѣтъ,—говорилъ мнѣ Станишевъ,—и могу смѣло утверждать, что у него нѣтъ твердыхъ политическихъ убѣжденій. Это ловкій пройдоха, авантюристъ, отлично знающій всегда, гдѣ «раки зимуютъ», и сумѣвшій поэтому великолѣпно устроить свою карьеру. Вотъ онъ теперь получилъ «Московскія Вѣдомости»,—а знаете ли какими путями? Во-первыхъ, систематическимъ расшаркиваніемъ передъ Побѣдоносцевымъ и Деляновымъ, къ которымъ онъ ѣздилъ на «поклоненіе» безпрестанно, изобрѣтая для этого всевозможные предлоги; во-вторыхъ, своими архиблагонамѣренными статьями въ «Русскомъ Обозрѣніи» за подписью «Spectator»; онъ ихъ собралъ, напечаталъ отдѣльнымъ сборникомъ и, кому слѣдуетъ, преподнесъ,—въ результатѣ «жирная аренда» въ награду...

Какъ-то разъ Станишевъ попросилъ меня зайти къ нему для «конфиденціальной» бесѣды (такъ и написалъ въ запискѣ). Прихожу, садимся.

— Вотъ что мнѣ пришло въ голову,—вдругъ обратился онъ ко мнѣ безъ всякихъ околичностей и съ самымъ серьезнымъ видомъ:—не хотите ли сотрудничать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»?

Я засмѣялся.

— Нѣтъ, я васъ совершенно серьезно спрашиваю,—продолжалъ К. Н.—Если хотите, я могу вамъ устроить это сотрудничество на какихъ угодно условіяхъ...

— Что вы, что вы, Константинъ Николаевичъ!—запротестовалъ я, почти готовый обидѣться.—За кого же вы меня принимаете? Я никого не ограбилъ, не изнасиловалъ, вообще моя репутація еще ничѣмъ до сихъ поръ не запятнана,—зачѣмъ же мнѣ итти въ «Московскія Вѣдомости»?

— Кромѣ шутокъ,—улыбнулся Станишевъ:—подумайте о моемъ предложеніи. Я знаю, что вы не сочувствуете направленію этой газеты, но кто жъ вамъ велитъ писать непременно мракобѣсныя статьи? Пишите по такимъ вопросамъ, гдѣ можно было бы не высказывать своего политическаго credo, ну, по вопросамъ искусства, что ли... Наконецъ, Грингмутъ могъ бы вамъ дать въ редакціи просто какую-нибудь синекуру, и вы числились бы сотрудникомъ, получая опредѣленное жалованье. Я увѣренъ, что, если попрошу объ этомъ Грингмута, онъ мнѣ не откажетъ, и знаете—почему? Этотъ человѣкъ слишкомъ много мнѣ обязанъ: достаточно сказать, что директорство въ лицѣ онъ получилъ исключительно только при моемъ посредствѣ... Да и мало ли услугъ я ему оказывалъ въ жизни? Онъ будетъ радъ отплатить мнѣ хоть чѣмъ-нибудь... Въ самомъ дѣлѣ, хотите я съ нимъ переговорю?

Каюсь, я невольно поддался соблазну, и сотрудничество въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», при извѣстныхъ условіяхъ, стало мнѣ представляться вовсе ужъ не такимъ зазорнымъ дѣломъ. «Ну, что жъ

изъ того, что я буду числиться сотрудникомъ реакціонной газеты?—думалъ я.—Важно лишь то, что я не измѣню своимъ убѣжденіямъ и не напишу ни одной «мракобѣсной» строки. Въ крайнемъ случаѣ буду писать по такимъ вопросамъ и о такихъ предметахъ, гдѣ можно не проводить опредѣленной тенденціи. Въ сущности, это будетъ самое «невинное» сотрудничество, какое только можно себѣ представить, а между тѣмъ оно дастъ мнѣ возможность близко наблюдать не лишенную интереса среду...»

Для черезъ два послѣ вышеозначенной бесѣды со Станишевымъ я получилъ отъ В. А. Грингмута приглашеніе «пожаловать къ нему для личныхъ переговоровъ по дѣлу». Онъ жилъ тогда еще не въ «казенной» квартирѣ на Страстномъ бульварѣ, занятой бывшимъ арендаторомъ «университетской газеты» С. А. Петровскимъ, а гдѣ-то на Тверской. Прихожу. Меня вводятъ въ большой, мрачный кабинетъ, весь заставленный книжными шкапами. При моемъ появленіи поднимается изъ-за письменнаго стола во весь ростъ огромная тучная фигура съ лысой, какъ колѣно, головой и съ чрезвычайно крупными чертами круглаго толстаго лица, на первый взглядъ нѣсколько соннаго и апатичнаго. Это самъ Грингмутъ. Онъ жестомъ руки приглашаетъ меня сѣсть и говорить:

— Я получилъ отъ К. Н. письмо, въ которомъ онъ горячо рекомендуетъ васъ въ качествѣ сотрудника газеты... Очень радъ служить, но позвольте узнать прежде всего, какое амплуа вы желали бы занять въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»?

«Амплуа!—подумалъ я.—Точно я первый любовникъ или резонеръ какой-нибудь... Ни тѣмъ, ни другимъ я въ этой «труппѣ» быть не желаю, а вотъ въ «простаки», пожалуй, пойду».

— Какое амплуа?—молвилъ я вслухъ.—Какъ бы вамъ сказать... Поскромнѣе какое-нибудь: на первыя роли, такъ сказать, я въ вашей газетѣ не гожусь... Откровенно долженъ сознаться, что по своимъ убѣжденіямъ я не консерваторъ и поэтому могъ бы сотрудничать у васъ въ томъ отдѣлѣ, гдѣ не обязательно во что бы то ни стало проводить консервативныя тенденціи...

— Какой же это такой отдѣлъ?—перебилъ меня Грингмутъ, и тонкая усмѣшка долго не сходила потомъ съ его плотно сжатыхъ губъ.

— Да вотъ, напримѣръ, обзорѣніе ежемѣсячныхъ журналовъ,—предложилъ я:—не критика, а именно лишь обзорѣніе,—т. е. я буду отмѣчать ту или иную статью въ журналѣ, какъ хроникеръ, не входя въ ея оцѣнку...

— Трудновато это немножко,—проговорилъ Грингмутъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:—а, впрочемъ, попробуйте, пожалуй, ничего не имѣю противъ... Присылайте ваши статьи и, если онѣ окажутся подходящими, съ удовольствіемъ буду ихъ печатать...

На этомъ мы и порѣшили. Я сталъ дѣлать свои «обзорѣнія», которыя сначала аккуратно появлялись въ «Московскихъ Вѣ-

домостяхъ» въ видѣ ежемѣсячныхъ фельетоновъ, и я чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Но это продолжалось недолго, и вскорѣ я уже началъ замѣчать пробѣлы: то та, то другая изъ обозрѣваемыхъ мною журнальныхъ статей вдругъ возьметъ, да и выскользнетъ изъ фельетона, какъ будто ея и совсѣмъ не было. Или, — это еще хуже пробѣловъ, — все чаще и чаще начинаю наталкиваться на грубыя, тенденціозныя искаженія своихъ мыслей и словъ: невидимая редакторская рука то вставляетъ двѣ-три фразы, сразу измѣняющія смыслъ всего мною написаннаго, то выпуститъ нѣсколько моихъ словъ и на ихъ мѣсто водрузитъ такія, которыя мнѣ и во снѣ никогда не снились. При этомъ я замѣчалъ, что редакторская рука «пошаливала» исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось какой-либо статьи, напечатанной въ прогрессивномъ журналѣ, чаще всего въ «Вѣстникѣ Европы». Беру, напримеръ, январскую книжку послѣдняго за 1897 годъ и съ первыхъ же строкъ фельетона приступаю къ обозрѣнію превосходнаго очерка А. О. Кони: «Докторъ О. П. Гаазъ». И что же? «Невидимая рука» и здѣсь ухитрилась поставить «кляксу». Читаю свой фельетонъ въ печати и прихожу въ ужасъ, находя въ немъ неприн�адлежащія мнѣ строки о яко бы «литературномъ худосочіи», переживаемомъ нынѣ «полупочтеннымъ органомъ г-на Стасюлевича», и, далѣе, такой перлъ: «среди разсматриваемыхъ нами «легковѣсныхъ» (?) статей «сравнительнымъ» интересомъ отличается «развѣ» (?) очеркъ г. Кони». Такимъ образомъ, блестящее литературнымъ талантомъ и глубиною мысли произведеніе нашего выдающагося юриста и академика неожиданно попало въ разрядъ «легковѣсныхъ» статей! Это уже было «немножко черезчуръ», и я немедленно пошелъ объясняться съ Грингмутомъ, который принялъ меня въ своемъ редакторскомъ кабинетѣ. Увидѣвъ мое взволнованное лицо, онъ первый обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Что у васъ случилось?

Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и напомнилъ, что взялся участвовать въ газетѣ при непремѣнномъ условіи, что мое сотрудничество будетъ «безпартійнымъ»; а между тѣмъ мои статьи тенденціозно искажаются и въ нихъ высказываются, яко бы отъ моего имени, такія мысли, которыхъ я никогда не раздѣлялъ и не буду раздѣлять.

Пока я говорилъ, на толстыхъ губахъ Грингмута змѣилась едва уловимая, лукавая усмѣшка, но вотъ я умолкъ — и лицо его вдругъ подернулось легкой дымкой грусти.

— О, я васъ вполне понимаю, — началъ онъ: — и вы въ правѣ, конечно, претендовать на редакцію, но въ данномъ случаѣ будьте ужъ снисходительны и не взыскивайте съ насъ слишкомъ строго. Дѣло въ томъ, что вы вѣдь у насъ еще совсѣмъ новое лицо и наша совмѣстная работа только налаживается. Вы еще не примѣнились

къ нашимъ требованіямъ, а мы не примѣнились къ вамъ, но, разумѣется, это придетъ со временемъ, и никакихъ шероховатостей и треній между нами уже не будетъ. Пока же я васъ попрошу о слѣдующемъ: передъ тѣмъ, какъ писать свой очередной фельетонъ, пожалуйста, сообщайте мнѣ, какія статьи вы намѣрены реферировать и изъ какихъ именно журналовъ. Это чрезвычайно важно. Напримѣръ, вы берете статью явно неблагонадежнаго автора...

— Виновать, — перебилъ я: — неужели оберъ-прокуроръ кассаціоннаго департамента сената можетъ быть лицомъ неблагонадежнымъ?

— Это вы говорите о Кони... Видите ли, Кони пишетъ въ «Вѣстникѣ Европы», и я думаю, что этимъ все сказано... Къ такимъ журналамъ, какъ «Вѣстникъ Европы» или «Русская Мысль», слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью: въ самыхъ благонамѣренныхъ статьяхъ ихъ всегда скрыта капля яду, которую и нужно сумѣть извлечь, — въ этомъ и состоитъ задача журнальнаго обозрѣвателя.

Я хотѣлъ было возразить, но Грингмутъ не далъ мнѣ вымолвить ни одного слова и вдругъ заговорилъ съ необычнымъ жаромъ:

— Мы, монархисты, вѣрноподданные нашего царя, ни на секунду не должны упускать изъ виду, что всѣ эти гг. Стасюлевичи, Арсеньевы, Слонимскіе, Гольцевы — наши открытые враги и тайные враги Россіи. Что для нихъ родина? Пустой звукъ. Они были бы рады, если бъ инородцы растащили ее по кусочкамъ, если бъ подверглась гоненію наша православная церковь и если бъ лучшее достояніе нашей великой исторіи — самодержавіе русскихъ государей — уступило мѣсто жидовской республикѣ... Нѣтъ, голубчики, вамъ не видать этого, какъ своихъ ушей! Мы будемъ бороться съ вами до послѣдней капли крови, мы будемъ преслѣдовать васъ всѣми доступными намъ средствами и, въ концѣ концовъ, выведемъ васъ на свѣжую воду, несмотря на то, что мы одиноки... Да, мы страшно одиноки, но въ этомъ одиночествѣ, быть можетъ, и вся наша сила. Правда всегда на сторонѣ меньшинства и, рано или поздно, она должна восторжествовать. Тогда мы всѣхъ этихъ либераловъ и крамольниковъ призовемъ къ отвѣту и скажемъ: «Вотъ мы — вѣрноподданные нашего государя, а вы кто такіе, позволяете васъ спросить? Долой шутовскія маски и прочь съ дороги!»

И, съ силой ударивъ кулакомъ по столу, Грингмутъ даже какъ-то подпрыгнулъ на мѣстѣ. Онъ сдѣлался совершенно неузнаваемъ: глаза его метали искры, щеки покрылись юношескимъ румянцемъ, отъ волненія онъ дышалъ тяжело и прерывисто... И я невольно вспомнилъ К. Н. Станишева, который отзывался о Грингмутѣ, какъ о человѣкѣ неискреннемъ, фальшивомъ, какъ о большомъ лицемерѣ и актерѣ въ жизни. «Если онъ «играетъ» сейчасъ, —

думалъ я: — то какая же это удивительно естественная игра: ни одной фальшивой нотки... Какой же это искусный актеръ!»

Эту бесѣду съ Грингмутомъ и его горячую патетическую тираду я вспоминалъ потомъ всякій разъ, когда мнѣ приходилось дѣлать наблюденія не въ его пользу. Такъ, у одного изъ сотрудниковъ газеты М—скаго бывали постоянныя «гонорарныя недоразумѣнія» съ завѣдующимъ конторою изъ-за авансовъ, которыми тотъ пользовался весьма щедро, но неохотно ихъ погашалъ. И вотъ онъ однажды явился къ Грингмуту съ жалобой на яко бы чинимыя ему со стороны конторы притѣсненія. Грингмутъ его выслушалъ, но притворился, что въ «этихъ дѣлахъ» ровно ничего не понимаетъ, что это чуждая ему сфера, куда онъ не считаетъ возможнымъ даже и вмѣшиваться. Раздосадованный М—скій началъ его урезонивать:

— Помилуйте, Владимиръ Андреевичъ, какъ же вы не можете мнѣ посодѣйствовать? Вѣдь вы же издатель газеты, слѣдовательно, въ вашей власти сдѣлать въ данномъ случаѣ то или иное распоряженіе... Скажите только одно слово — и я сейчасъ же получу весь свой гонораръ полностью.

У Грингмута вдругъ появились слезы на глазахъ. Онъ порывисто схватилъ обѣ руки М—скаго, горячо сжалъ ихъ и, закативъ глаза подъ самый лобъ, сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Послушайте, дорогой... (онъ назвалъ М—скаго по имени и отчеству). — Я вамъ вполнѣ сочувствую, но повѣрьте, что я ничего не могу сдѣлать, что тутъ... въ этихъ денежныхъ операціяхъ я совершенный ребенокъ.

Какъ ни мрачно былъ настроенъ М—скій, но, видя передъ собой этого «ребенка» съ неимоверно толстымъ животомъ и фигурою «въ два обхвата», онъ едва могъ удержаться отъ смѣха.

Мнѣ извѣстны и другіе случаи, когда Грингмутъ несомнѣнно притворялся и актерствовалъ, если даже не упоминать о такихъ общеизвѣстныхъ фактахъ, какъ продажа его собственнымъ контрагентствомъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ разныхъ порнографическихъ и — *horribile dictum!* — революціонныхъ изданій: въ качествѣ «ребенка» онъ не зналъ, чѣмъ торгуетъ фирма, носящая его имя; или, наконецъ, замѣна старыхъ обложекъ нераспроданныхъ книгъ новыми съ цѣлью ввести довѣрчиваго покупателя въ обманъ, какъ это практиковалось тѣмъ же контрагентствомъ.

Итакъ, что же, собственно, за человѣкъ былъ этотъ Грингмутъ? Какъ публицистъ, онъ не возвышался надъ уровнемъ самой обыкновенной посредственности. Правда, будучи отличнымъ преподавателемъ, въ чемъ признаются въ одинъ голосъ всѣ бывшіе его ученики, онъ умѣлъ писать сжато, ясно и просто, по газетнымъ статьямъ его въ общемъ, отличаясь безцвѣтностью, не могли увлечь читателя. При этомъ у него не было ни чувства мѣры, ни такта, — качества,

столь необходимы для всякаго журналиста,—благодаря чему онъ нерѣдко попадалъ впросакъ. Такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ своей редакторской дѣятельности онъ печатно потребовалъ, чтобы «Русскія Вѣдомости» немедленно принесли на своихъ столбцахъ вѣрнопопданническую присягу, за что подвергся единодушному осмѣянію со стороны всей періодической печати, не исключая и консервативной.

Но, можетъ быть, Грингмутъ былъ хорошимъ руководителемъ и администраторомъ газеты? Увы, и этого нельзя сказать. Мало того, что онъ не сумѣлъ привлечь къ сотрудничеству въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» ни одной выдающейся литературной силы, ни одного дѣйствительнаго талантливаго работника, онъ считалъ возможнымъ поручать весьма отвѣтственные въ газетѣ отдѣлы разнымъ «литературнымъ младенцамъ». Напримѣръ, «Дневникъ печати» при немъ долгое время велся недоучкой-гимназистомъ, а личный его секретарь, юноша совсѣмъ малограмотный, велъ «Библиографію» и даже отваживался иногда писать передовыя статьи и цѣлыя фельетоны. Кромѣ того, въ редакціи «прикармливалось» нѣсколько сотрудниковъ-пенсіонеровъ, статьи которыхъ печатались, такъ сказать, по старой памяти, изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ ихъ авторовъ. Пенсіонеры эти писали по инерціи, «какъ Богъ на душу положитъ», компрометируя иногда своей беззубой болтовней пріютившее ихъ изданіе; а одинъ изъ нихъ, насколько мнѣ помнится, даже совсѣмъ ничего не писалъ, хотя и былъ еще сравнительно молодъ, но за что-то получалъ жалованье и всякій разъ, когда со мной встрѣчался, считалъ нужнымъ или сказать о Грингмутѣ что-нибудь дурное, или зло его высмѣять, какъ бы въ «благодарность» за получаемую пенсію. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ «университетская» газета быстро летѣла внизъ по наклонной плоскости, что она осталась совсѣмъ въ тѣни,—несмотря на безпрестанныя поѣздки ея редактора-издателя въ Петербургъ, гдѣ онъ внимательно прислушивался къ «сферамъ»,—и, въ концѣ концовъ потеряла даже и ту долю своего вліянія, которую она имѣла еще при С. А. Петровскомъ.

Но вотъ пронесся надъ Россіей революціонный вихрь—и Грингмутъ неожиданно «нашелъ самого себя», ставъ во главѣ монархическихъ организацій въ Москвѣ и вступивъ на путь дѣятельной политической пропаганды. Его газета сдѣлалась партійнымъ органомъ «союза русскаго народа» и на первой ея страницѣ подъ самымъ заголовкомъ появился девизъ, напечатанный жирнымъ шрифтомъ: «А прежде всего дума должна быть распущена». Въ неудачномъ журналистѣ вдругъ проснулся реальный политикъ и даже... демагогъ. Грингмутъ сталъ ѣздить «на гастроли» въ разные мелкіе провинціальныя города и выступать на партійныхъ собраніяхъ съ «союзнической» проповѣдью. Какъ ораторъ, онъ имѣлъ всюду огромный

успѣхъ. Говорятъ, что онъ страшно увлекалъ своихъ слушателей, въ особенности «сѣбру» толпу, которая, наэлектризованная его рѣчами, нафанатизированная его истерическими выкрикиваніями всякихъ «жалкихъ словъ», готова была идти за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ ее. Повидимому, Грингмутъ нашелъ здѣсь лучшее примѣненіе своему природному дарованію: актеръ развернулся въ немъ во всю ширь.

IV.

Въ 1898 году я приглашенъ былъ редактировать новый московскій еженедѣльный журналъ «Народное Благо», и сфера моихъ наблюденій въ «литературномъ муравейникѣ» еще болѣе расширилась. Какихъ только типовъ я ни насмотрѣлся здѣсь! Я видѣлъ беллетристовъ, ночевавшихъ, за неимѣніемъ квартиры, на Хитровомъ рынкѣ, поэтовъ, ходившихъ, за отсутствіемъ обуви, босикомъ и т. д. Однимъ изъ первыхъ явился ко мнѣ съ толстой тетрадкой стиховъ поэтъ-самоучка изъ народа Варлыгинъ. Это былъ скромный юноша лѣтъ двадцати трехъ съ открытымъ симпатичнымъ лицомъ, неуклюжій и застѣнчивый. Онъ краснѣлъ буквально послѣ каждаго слова. Когда напечатано было первое его стихотвореніе, онъ долго плакалъ счастливыми слезами и, придя въ редакцію, чуть не поцѣловалъ мою руку въ порывѣ благодарности. Я не встрѣчалъ людей болѣе восторженныхъ, чѣмъ онъ. Его все восхищало, радовало до слезъ, приводило въ умиленіе. Весь Божій міръ казался ему такимъ дивно прекраснымъ и люди представлялись такими хорошими и добрыми, что онъ всѣхъ готовъ былъ любить. Въ красивыхъ, мелодичныхъ стихахъ его звучали всегда добрыя, оптимистическія нотки. Не знаю, что сталося потомъ съ Варлыгинымъ: нигдѣ и никогда больше я не встрѣчалъ имени этого симпатичнаго поэта-самоучки изъ крестьянъ.

Всплываетъ въ моей памяти и другой образъ, какъ прямая антитеза первому,—образъ беллетриста изъ народа К—ва. Сѣбъектъ лѣтъ тридцати пяти, но уже принадлежавшій къ категоріи «бывшихъ людей», грубоватый и до чрезвычайности развязный, одѣтый въ какую-то рвань, имѣвшую лишь отдаленное сходство съ пиджакомъ, и обутый въ разнокалиберную обувь, всегда немножко навеселѣ, если не совсѣмъ пьяный, онъ являлся въ редакцію почти каждый день, просилъ выдать ему авансъ и очень былъ доволенъ, когда получалъ... полтинникъ. Беллетристическія произведенія свои онъ пекъ, какъ блины, неимоვნно легко и быстро, такъ что у меня явилось даже подозрѣніе, не выдаетъ ли онъ чужіе хорошо забытые повѣсти и рассказы за свои, лишь слегка ихъ подновляя. Однако вскорѣ я имѣлъ случай убѣдиться, что К—въ въ этомъ отношеніи чистъ и невиненъ, какъ голубь. Я задалъ ему тему для небольшого очерка—и что же? Онъ тутъ же при мнѣ написалъ его

въ одинъ присѣсть, не сдѣлавъ ни одной помарки: очевидно, онъ превосходно владѣлъ техникою письма. Между тѣмъ это былъ человекъ, не получившій никакого образованія, вышедшій изъ бѣдной крестьянской семьи,—это просто талантливый самородокъ, какихъ у насъ много рождается, живетъ и умираетъ на Руси въ полнѣйшей и до горечи обидной неизвѣстности.

Однажды зашелъ ко мнѣ въ редакцію низенькій, невзрачный человекъ, еще не старый, но сильно горбившійся. Подойдя къ моему столу, онъ кашлянулъ въ руку и поклонился, назвавъ свою фамилію, которую я не разслышалъ. Я пригласилъ его сѣсть и спросилъ, что ему угодно. Невзрачный человекъ робко присѣлъ на кончикъ стула, медленно засунулъ руку въ боковой карманъ своего старенькаго, засаленнаго пиджачка и извлекъ оттуда рукопись.

— Вотъ-съ, позвольте предложить,—началь онъ, не глядя мнѣ въ лицо и какъ-то конфузливо усмѣхаясь.—Это историческая повѣсть изъ эпохи двѣнадцатаго года...

Я молча взялъ рукопись, прочелъ четкими буквами выписанное заглавіе: «Анна купеческая дочь» и, пробѣжавъ глазами первую страницу, убѣдился, что авторъ совсѣмъ малограмотный: рукопись не только изобиловала стилистическими погрѣшностями, но въ ней на каждомъ шагу попадались синтаксическія и орфографическія ошибки.

— Послушайте,—обратился я къ неизвѣстному автору:—повидимому, это вашъ первый литературный опытъ, вы только начинаете писать...

— Виновать-съ, я уже давно пишу,—обиженно возразилъ мнѣ мой собесѣдникъ:—я много писалъ...

— Но, разумѣется, еще нигдѣ не печатались?

— Какъ же-съ! Очень много печатался въ разныхъ газетахъ и журналахъ... И отдѣльныя книги мои есть... Нѣкоторые изъ моихъ историческихъ романовъ и повѣстей выдержали по нѣскольку изданій... Въ театрахъ шли мои пьесы... Я, извините меня, не новичокъ въ литературѣ.

— Ваша фамилія? Простите, я ее не разслышалъ...

— Дмитріевъ, Дмитрій Савватіевичъ...

Дѣйствительно, это литературное имя мнѣ было хорошо извѣстно, такъ какъ я часто встрѣчалъ подпись: «Д. С. Дмитріевъ»—подъ фельетонами весьма распространенной тогда московской газеты «Новости дня».

«Неужели же, однако, тотъ Дмитріевъ и этотъ—одно и то же лицо?—недоумѣвалъ я.—Вѣдь тотъ пишетъ не только грамотно, но и вполне литературно, а этотъ... чортъ знаетъ что такое!»

Я взялъ у Дмитріева рукопись и обѣщалъ прочитать ее въ самомъ скоромъ времени: «Анна купеческая дочь» оказалась настолько

интересною вещью, съ такимъ занимательнымъ сюжетомъ, разработаннымъ къ тому же умѣлою рукою опытнаго романиста, что, разумѣется, была мною принята къ печати. Но «повозиться» надъ этой рукописью мнѣ пришлось немало прежде, чѣмъ отдать ее въ наборъ. Чего стоила одна выправка своеобразнаго дмитріевскаго стиля, пестрѣвшаго такими выраженіями, какъ: «выйдя на улицу, до него донесся звонъ», не говоря уже о великолѣпной ореографіи этого автора многочисленныхъ романовъ и повѣстей! Много времени и труда отнял у меня Д. С. Дмитріевъ, тоже, несомнѣнно, «талантливый русскій самородокъ». Гдѣ онъ теперь? Я совсѣмъ потерялъ его изъ виду. Слышалъ только, что онъ окончательно бросилъ литературу и сдѣлался сельскимъ священникомъ.

Не помню, существовалъ ли журналъ «Народное Благо», но, безъ сомнѣнія, я уже прекратилъ его редактировать, когда познакомился съ очень извѣстнымъ въ свое время журналистомъ Ф. Н. Бергомъ. Послѣдній игралъ когда-то видную роль въ «Современникѣ» Некрасова, а потомъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ семьѣ такихъ писателей, какъ Достоевскій, Майковъ, Писемскій, Гончаровъ, Тютчевъ, Григоровичъ, Полонскій. Въ позднѣйшее время онъ приобрѣлъ широкую извѣстность, какъ редакторъ «Нивы», которую ему удалось превратить изъ сравнительно мало распространеннаго журнала въ самый популярный въ Россіи иллюстрированный еженедѣльникъ. Въ 80-хъ — 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Бергъ жилъ въ Петербургѣ «большимъ бариномъ», и его великолѣпная квартира перевидала много всякихъ знаменитостей, лучшихъ тогдашнихъ писателей, художниковъ артистовъ. Несмотря на нѣмецкую фамилію, онъ душою былъ чисто русскимъ человѣкомъ, удивительно прямодушнымъ и искреннимъ, обладая вмѣстѣ съ тѣмъ твердой волею и независимымъ характеромъ, т. е. уже не присущими специально славянской натурѣ качествами, которыя, надо полагать, и помогли ему выдвинуться на жизненномъ пути. Собственно карьерой журналиста Ф. Н.—чѣ обязанъ, конечно, своему природному уму и способностямъ, такъ какъ многое въ этой области имъ достигнуто путемъ самообразованія, а многое и даромъ получено, безъ всякой затраты энергіи и труда, ибо онъ надѣленъ былъ отъ природы огромнымъ эстетическимъ чутьемъ, съ помощью котораго ему, какъ редактору, легко давалась критическая оцѣнка литературныхъ произведеній.

Послѣ не совсѣмъ удачной аренды «Русскаго Вѣстника» Бергъ рѣшилъ навсегда покончить съ журнальною дѣятельностью и съ этой цѣлью купилъ «по случаю» около Вильны имѣніе принца Гогенлоэ. Но тутъ, какъ говорится, фортуна повернулась къ нему спиною. Вслѣдствіе интриги и подкуповъ ему не разрѣшено было провести въ купленномъ имѣніи какой-то мѣры, безъ которой оно совершенно обезцѣнивалось; между тѣмъ эта же мѣра немедленно

была разрѣшена лицу, купившему «гогенлоевское» пмѣніе съ аукціона и нажившему на этой операціи что-то около двухъ милліоновъ рублей. Окончательно разоренный, Бергъ перебрался въ Москву, гдѣ я съ нимъ и познакомился, кажется, въ редакціи «Русскаго Слова». Какъ сейчасъ помню этого бодраго и свѣжаго на видъ старика лѣтъ шестидесяти, высокаго и прямого, съ хорошей еще «шевелюрой» на головѣ и безъ малѣйшей сѣдины въ довольно густыхъ съ рыжеватымъ отливомъ волосахъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство, какъ я вскорѣ убѣдился, объяснялось весьма просто: Бергъ красился и притомъ настолько иногда неудачно, что его большая, окладистая борода оказывалась трехцвѣтной — внизу сизой, въ серединѣ голубой и наверху около щекъ желтоватой, — что, повидимому, ничуть не смущало ея обладателя.

Разговоръ зашелъ у насъ о недавно покинутомъ мною журналѣ «Народное Благо».

— И отлично сдѣлали, что бросили эту пакость, — началъ Бергъ, употребляя по своему обыкновенію рѣзкъ я выраженія, и его голосъ сразу зазвенѣлъ возбужденно. — Развѣ можно имѣть дѣло съ нашими издателями? Вѣдь это все аршинники, торгаши: они норовятъ на грошъ пятаковъ пріобрѣсти да еще съ бархатомъ... Какіе имъ нужны сотрудники? Развѣ они ищутъ свѣдущихъ и талантливыхъ работниковъ? «Числомъ поболѣе, цѣною подешевле» — вотъ что для нихъ самое важное, дальше своихъ карманныхъ интересовъ они не идутъ... Литература? — плевать они на нее хотятъ... Ну, вотъ возьмите Сытина: этотъ могъ бы хорошо поставить свою газету, а между тѣмъ ничего у него не выходитъ, — почему? Да потому, что нѣтъ у человѣка настоящаго размаха, нѣтъ широты коммерческаго взгляда... Вотъ онъ сидитъ надъ своимъ сундучкомъ и трясется надъ нимъ и скаредничаетъ... И, главное, все плачетъ: «убытки говоритъ несу большіе». А я ему въ отвѣтъ: «у васъ «Русское Слово» настоящее золотое дно; одно названіе чего стоитъ!» — «Купите, говоритъ, у меня это золотое дно, продамъ за безцѣнокъ». «Что жъ, я бы и купилъ, непременно купилъ бы, если бъ не прогорѣлъ на имѣніи...»

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Бергу удалось вернуться на короткое время къ своему любимому редакторскому дѣлу: онъ воспользовался приглашеніемъ Н. Л. Казецкаго, издававшаго тогда «Русскій Листокъ», и горячо взялся за работу. Однако на первыхъ же порахъ его постигло горькое разочарованіе. Казецкій ни за что не соглашался ни на какія реформы и улучшенія въ газетѣ, и Бергъ круто съ нимъ порвалъ. Потомъ онъ сталъ редактировать сытинскія изданія: разныя мелкія брошюры и популярныя дешевыя книжонки болѣе или менѣе сомнительнаго достоинства. Но развитой литературный вкусъ и строгія требованія, предъявляемыя имъ къ произведеніямъ печати, не позволили ему долго оставаться и при этомъ

«дѣлѣ», которое онъ, не задумываясь, бросилъ, несмотря на то, что сильно нуждался тогда въ заработкѣ.

И вотъ для Берга наступили черные дни. Онъ занималъ маленькую квартирку во второмъ этажѣ грязноватаго каменнаго домишка у Арбатскихъ воротъ. Квартирка была весьма непрезентабельная и довольно темная. Съ параднаго хода ея узенькая лѣсенка вела вверхъ къ клеенчатой двери, у которой красовалась неуклюжая деревянная ручка допотопнаго устройства звонка, издававшего непріятный, дребезжащій звукъ. Прислуживалъ Бергу очень хорошенькій мальчикъ лѣтъ шестнадцати-семнадцати, и, кажется, другой прислуги у него въ то время не было. По крайней мѣрѣ, случалось такъ, что подойдешь къ двери и трезвонишь минутъ пять. Наконецъ, щелкнетъ крючокъ, и на порогѣ покажется самъ хозяинъ, по большей части въ халатѣ нараспашку.

— Извините, что задержалъ: я отпустилъ своего мальчишку погулять.

Мы видѣлись тогда съ Бергомъ очень часто. То я его навѣщу, то онъ ко мнѣ «забѣжитъ» (я жилъ около Зоологическаго сада, и довольно значительное разстояніе отъ Арбатскихъ воротъ онъ совершалъ не иначе, какъ пѣшкомъ), и если, бывало, не застанетъ меня дома, то непременно выругается. О чемъ только мы ни переговоримъ съ нимъ за чайнымъ или за обѣденнымъ столомъ: кажется, нѣтъ такого литературнаго или общественнаго вопроса, котораго мы, хотя вскользь, не коснулись бы въ нашихъ бесѣдахъ. Очень часто Бергъ принимался рассказывать о своей петербургской жизни и уже долго не сходилъ съ «любимаго конька», съ удовольствіемъ «перемывая косточки» всѣмъ своимъ прежнимъ знакомымъ и пріятелямъ, дѣлая это иногда съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ, доходившимъ почти до сладострастія. Вскочить, бывало, съ мѣста, сожметъ кулаки расширить ноздри и начнетъ бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, ругательски ругая то одного, то другого изъ нашихъ извѣстныхъ литературныхъ или общественныхъ дѣятелей, а то и всѣхъ вообще русскихъ.

— Русскіе вѣдь это такіе мерзавцы и скоты, такіа анаемы,— кричалъ онъ однажды, потрясая кулаками въ воздухъ:—у нихъ рѣшительно ничего нѣтъ святого.... Вы возьмите, напримѣръ, нѣмца: съ какимъ величайшимъ благоговѣніемъ онъ относится къ своей Faterland, какъ онъ любитъ ее и какъ ею гордится. Попробуйте о ней дурно отозваться при немъ,—онъ васъ живьемъ проглотитъ, какъ устрицу. А у насъ всякій иностранецъ можетъ глумиться надъ Россіей, сколько ему угодно, зная, что ни отъ кого не встрѣтитъ отпора. Мало того, онъ знаетъ, что подлець-русскій непременно его поддержитъ и даже самъ загнетъ по адресу вскормившей его родины такое трехъэтажное ругательство, что чертямъ станетъ тошно въ аду.

Ф. Н. Бергъ былъ большой гастрономъ и въ совершенствѣ зналъ кулинарное искусство.

— Послушайте,—сказалъ онъ мнѣ разъ:—я все у васъ обѣдаю, надо же мнѣ, наконецъ, и васъ пригласить къ себѣ...

— Да вѣдь у васъ же некому готовить?—возразилъ я.

— Какъ некому? Я самъ приготовлю не хуже любого повара.

— Ну, это другое дѣло!

Дня три спустя, Бергъ устроилъ у себя «званный обѣдъ», на которомъ, кромѣ самого хозяина, присутствовали: историкъ Д. И. Иловайскій и я. Обѣдъ былъ изготовленъ чудесно, и мы, гости, отъ души поздравляли импровизованнаго повара съ блестяще одержанной имъ побѣдой.

Разъ какъ-то захожу къ Бергу,—онъ самъ отворяетъ мнѣ дверь, мрачный, какъ туча.

— Что съ вамъ? Больны?

— Какое тамъ болеть! Сижу одинъ, безъ прислуги: долженъ былъ уволить своего мальчишку... Эдакое свинство!

Я смотрѣлъ на него удивленными глазами, ничего не понимая.

— Представьте себѣ, какая пакость, — продолжалъ Бергъ, сильно волнуясь и жестикулируя:—получаю вчера анонимное письмо съ грязными намеками на свои, будто бы, отношенія къ этому мальчику... А? Какъ вамъ понравится такой пассажикъ? И вѣдь я знаю, кто написалъ: навѣрное этотъ мерзавецъ Z (онъ называлъ фамилію одного изъ видныхъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей»). Ну, и я долженъ былъ уволить ни въ чемъ неповиннаго слугу...

Дѣйствительно, кажется, послѣ этого Бергъ сталъ держать у себя женскую прислугу. Я же видѣлся съ нимъ все рѣже и рѣже, а въ послѣдніе годы его жизни и совсѣмъ разошелся съ нимъ вслѣдствіе сильно обострившагося принципиальнаго разногласія нашего по политическимъ вопросамъ.

На этомъ я и закончу пока бѣглыя воспоминанія о своихъ литературныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ.

Князь Б. А. Щетининъ

